

УДК [001:930] (477.75) – 057.4

КРЫМСКАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ АН СССР 1952 ГОДА И РАЗВИТИЕ КРЫМОВЕДЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ ХХ ВЕКА

Ломакин Д.А.

(Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского)

У статті розкрито й проаналізовано основні питання, розглянуті на засіданнях об'єднаної наукової сесії Відділення історії й філософії АН СРСР і Кримської філії АН, також висвітлена роль і вплив сесії на подальший розвиток кримознавства й історичної науки в цілому.

This article is devoted to the analysis of the basic questions, which have been considered at the sessions of the incorporated scientific session of the Branch of history and philosophy of the Academy of sciences of the USSR and the Crimean branch of the Academy of sciences, and its role and influence in further development of historical science in whole and crimean history in particular.

Объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН, посвященная проблемам истории Крыма, состоялась 23-25 мая 1952 года в Симферополе [1]. Формальным поводом для созыва сессии стало изданного пятнадцатитысячным тиражом первого тома «Очерков по истории Крыма» Павла Наумовича Надинского.

Со вступительным словом выступил секретарь отделения истории и философии АН СССР Б. Д. Греков, наметивший основные задачи сессии. Б. Д. Греков справедливо заметил, что «в большом количестве исторической литературы о Крыме есть много устаревших положений и неверных взглядов, нуждающихся в критическом пересмотре» [2]. Примером категоричности и беспочвенности суждений могут служить публикации А. Югова [3], П. Н. Надинского [4] и многих других. Подобные «опусы» временами достигали анекдотического характера. На их страницах крымская скифия провозглашалась русским

глашалась русским государством, Неаполь Скифский именуется Новгородом, Ахиллес, оказывается, был русским, а «Илиада» Гомера выступает в качестве источника по изучению русского национального характера» [5].

Еще в 1947 году, когда создавался Крымский филиал Академии наук СССР, перед Отделом истории и археологии была поставлена задача проводить изучение истории Крыма как неотъемлемого звена русской истории. Официально принятой стала теория происхождения восточных славян от скифов, снимавшая множество естественных для науки противоречий. Эта концепция легко обосновывалась в рамках лингвистической яфетической теории академика Н. Я. Марра. «У археологов, последовавших за Марром, чрезмерное развитие получил автохтонизм. В приложении к археологии Крыма в частности это выразилось в обязательном желании всюду усмотреть проявления местной культуры, часто без каких-либо оснований. Местное население в работах учеников

Марра часто не имеет исторической конкретности и выступает как обезличенная масса, что лишает все эти построения научной ценности» [6].

В начале 50-х теория Н. Я. Марра, а следовательно, и все построения, основанные на ее принципах, подверглась серьезной критике. Особенно четко отображает сложившуюся после этого ситуацию в исторической науке напряженная атмосфера во время обсуждения вопроса этногенеза славян. Одним из главных действующих лиц первого дня заседания был доктор исторических наук Б. А. Рыбаков, предложивший на рассмотрение два доклада. Первый, «О серьезных недостатках и задачах в изучении истории Крыма», содержал лишь общие положения, касающиеся ошибок историков, исследующих историю полуострова, включал в себя критические замечания в сторону ряда буржуазных историков, разоблачение «вульгаризаторских» построений Н. Я. Марра. Во втором докладе, «Славяне в Крыму и на Тамани», ученый попытался разобраться с проблемой этногенеза восточных славян.

К сожалению, тексты обоих докладов отсутствуют. Несколько позже окончания сессии были изданы лишь краткие тезисы докладов [7]. Возможно, в определенной мере проясняет ситуацию в своих воспоминаниях М. Ю. Брайчевский, присутствовавший на сессии в качестве наблюдателя от Института археологии АН УССР: «Понятно, такие заявления не могли попасть в печать (даже в то время)» [8]. «Черное море, названное «русским», выступило внутренним озером Руси. Славянскими территориями были аттестованы не только Крым и Тамань, но и Кавказ, Малая Азия, Балканский полуостров. У докладчика выходило, что главной ошибкой являлась не переоценка исторической роли славянства на юго-востоке Европы, а ее недо-

оценка. Изложенные концепции превзошли все существовавшие к тому времени заявления» [9].

Продолжил обсуждение вопроса археолог, кандидат исторических наук П. Н. Шульц, выступивший с достаточно противоречивым докладом «О роли местных племен и народностей в древней истории Крыма». Археолог полагал, что «формула «скифы – предки славян», так же как и другая формула о том, что «скифы – одни из предков славян», ошибочна. <...> Обычное представление, что скифские племена являются отдельными предшественниками древнеславянских племен, не соответствует фактам» [10]. П. Н. Шульц также справедливо подчеркнул, что скифы и славяне принадлежали к разным языковым семьям.

Далее ученый задал логичный вопрос: «Какова же роль скифов в формировании и развитии восточнославянских племен? Эта роль, несомненно, велика, о чем косвенно свидетельствует археологический и этнографический материал. Теснейшая связь скифских и древнеславянских племен <...> несомненна. Древнеславянские племена <...> восприняли многие элементы скифской культуры. Из всего изложенного вытекает, что было бы крупной ошибкой отрицать роль скифских племен в процессе формирования и развития восточного славянства» [11].

П. Н. Шульц обрел поддержку в лице профессора А. П. Смирнова. «Не может быть признана точка зрения о прямом происхождении славян от скифов, о сложении славянского языка в недрах скифского, как об этом говорилось в ряде работ. <...> Тем не менее, я считаю, наблюдение Шульца о сходных элементах в культуре скифов и славян, где первые элементы прослеживаются в измененном виде, не может быть сброшено со счетов» [12].

Подобные утверждения участниками сессии не были приняты единогласно. Вопрос о роли скифов в этногенезе восточных славян стал одним из самых спорных и противоречивых на заседаниях сессии. Старший научный сотрудник Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкий раскритиковал доклад П. Н. Шульца даже не смотря на то, что последний признал ряд ошибок в своих предыдущих работах. «Я считаю, что <...> следует говорить о самом настоящем марризме во взглядах П. Н. Шульца, ибо переход скифов и славян является незауалированным марровским положением. Это положение ясно и четко приводилось в докладах и публиковалось П. Н. [имеется в виду П. Н. Шульц] в его работах. Причем защита этих марровских положений продолжалась и после издания гениальной работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». <...> Совершенно не четко Павел Николаевич высказывается по вопросу этногенеза скифов. С одной стороны он говорит, что племена скифов и племена славян развиваются одновременно, являясь различными этническими племена, и одновременно ставит под сомнение это четкое положение. <...> Таким образом, и на сегодня остается неясным, считает ли Шульц скифов предками славян или нет? Двойственность и нечеткость формулировок П. Н. Шульца в докладе и тезисах заставляют думать, что он этого вопроса так и не решил» [13].

На этом дискуссия не прекратилась. Кандидат исторических наук П. Н. Надинский поддержал П. Н. Шульца, на работах и утверждениях которого были основаны все выводы по данной проблеме, сделанные в «Очерках по истории Крыма». «Если касаться тов. Стржелецкого, который меня щадил, все упреки бросал на П. Н. Шульца, я все скажу, что у вас мысли о ски-

фах, которые вы здесь высказывали, чрезвычайно сумбурные, и трудно понять какова же ваша точка зрения, потому что у вас много точек зрения было. И уже если вы требуете, категорически требуете, чтобы они признали свои ошибки, так почему же вы, Станислав Францевич, не занялись самокритикой. Почему вы открыто честно не сказали: «Товарищи, и я, как и вы, был пропагандистом Марра» (аплодисменты) [14].

Неприглядная ситуация произошла с докладом известного ираниста В. И. Абаева, который пытался рассмотреть Северокавказские эпические сказания как источник по вопросу взаимоотношения местных скифских племен с греческими колониями. К сожалению, доклад завершить не удалось. Поступила записка из зала: «Ваша работа была освещена и осуждена в апреле на научной сессии в Осетии. С какой целью вы опять докладываете ее?» [15]. Ответа не последовало. Абаев покинул трибуну.

Несколько прояснил ситуацию в дальнейшем Н. А. Смирнов. «Сотрудник Абаев, как мне кажется, сделал довольно откровенную попытку проташить свою порочную буржуазно-националистическую концепцию о так называемой «Великой Алании» и нартском эпосе, как историческом источнике алан-иранцев по происхождению и показать якобы ведущую роль алан в Крыму, как это он уже сделал, включив в Аланию чуть ли не всю юго-восточную Европу. <...> На научной конференции, происходившей в конце апреля в Осетии, основным вопросом стояла критика и разоблачение марристской концепции Абаева в области истории осетинского языка и критика его буржуазно-националистической концепции в области истории осетинского народа. <...> Абаев – неразоружившийся маррист!» [16]. Вместо то-

го, чтобы выступить «с развернутой критикой своих ошибок», Абаев приехал в Крым и «сделал попытку навязать здешним историками свою порочную схему и внести путаницу в их и без того сложную и трудную исследовательскую работу» [17].

«Для того, чтобы хоть как-то завуалировать полностью очевидный акт аннексии Крымского полуострова <...> был выдвинут тезис о том, что Крым является исконной славянской (русской) территорией, поэтому завоевание Тавриды в конце XVIII века было интерпретировано как восстановление исторической справедливости» [18]. Для более объективного восприятия подобных утверждений следует учесть следующее. В 1944 году с 18 по 21 мая была осуществлена депортация крымских татар, армян, греков и других народов. Репрессивные действия рассматривались руководством партии как неотъемлемое условие функционирования и укрепления власти. [19]. После этого события прошлое многонационального Крыма не могло найти объективного отображения в исторических работах. Массовое заселение опустошенных крымских сел и городов выходцами из Украины, Белоруссии и России в послевоенный период требовало от советской идеологии обоснования славянских корней древнего населения Крыма. Это позволило бы увидеть в миграционных процессах, санкционированных государством, победу исторической справедливости [20].

С решением поставленной задачи участники сессии справились блестяще. Академик Е. Н. Павловский сделал вывод, что уже «накоплен значительный материал, который позволяет по-новому освещать историю Крыма. Этот материал дает основание рассматривать Крым как древнерусскую территорию. Археологические раскоп-

ки последних лет дают основание того, что уже в древние времена славяне жили в Крыму» [21]. П. Н. Надинский логически верно предположил, что «у некоторых товарищей может возникнуть вопрос: «Почему раньше не находили славянских древностей?» И тут же сам предложил на него достаточно оригинальный ответ: «Да потому, что славян в Крыму никто не искал, априорно считая, что здесь их и быть не могло!» [22]. Сразу же последовала острая фраза из зала, ярко характеризующая атмосферу, царившую на сессии и в целом в советской исторической науке того времени: «Скоро найдут один славянский черепок в Китае и скажут, что в Китае жили славяне» [23]. Тем не менее П. Н. Надинский решительно заявил, что «после этой сессии навряд ли найдется кто-либо из историков, который решится открыто выступить против следующих положений: 1. что освещение истории Крыма должно проводиться в неразрывной связи с историей русского народа, русского государства, что русские в Крыму не пришельцы, а коренные жители; 2. что нельзя изображать Крым, как очаг иноземных культур» [24].

Со славянским вопросом теснейшим образом переплелась явно надуманная проблема переоценки роли античных, генуэзских колоний и Византии в истории Крыма. Естественно, если предположить, что славянские племена были древнейшими коренными жителями полуострова, как это следовало из докладов участников сессии, то именно они должны были играть ведущую роль на протяжении всей истории полуострова. О какой-либо значительной, а тем более прогрессивной, роли Византии и генуэзских колоний не могло быть и речи. Настало время «разоблачения антинаучных, фальсификаторских теорий буржуазных ученых, извращающих роль Византии в

истории Крыма, и дать правильное освещение этого вопроса с позиций марксизма-ленинизма и, прежде всего, вскрыть глубоко отрицательную роль византийской агрессии в Крыму, тормозившей поступательное развитие производительных сил Крымского полуострова» [25].

С подобными высказываниями попытался поспорить член-корреспондент Академии архитектуры СССР В. Д. Блаватский. «Нельзя говорить о негативной роли античных городов-государств. Говоря о древней истории нашего юга, никогда не следует забывать о большой роли, которую играли античные города в экономической и культурной жизни. С первых же лет своего существования они вступили в экономические отношения с местным населением, что способствовало усилению имущественного неравенства среди местного населения и ускорило процессы классовобразования и возникновению государства у скифов» [26].

Также докладчик справедливо заметил, что очень часто увлекаясь разоблачением негативной роли античных полисов и выдвигая на первый план местное население «доходило до того, что иные археологи видели в хозяйственных, заваленных мусором ямах, открытых в античных поселениях, жилища местного населения» [27]. К сожалению, в своих взглядах В. Д. Блаватский оказался на сессии одинок. В его сторону незамедлительно последовал шквал критики. П. Н. Шульц, вторая часть доклада которого была посвящена этой проблеме, заметил, что «после сложения классов и государства у местных племен античные города превратились в тормоз развития местного населения, чему примером является подавление восстания рабов на Боспоре, возглавлявшегося Савмаком» [28]. Резко раскритиковал своего кол-

легу и С. Ф. Стржелецкий, причем делал это, не стесняясь грубых формулировок и выражений. Дошло до того, что из зала последовала реплика: «Просим перейти к теме доклада и обойтись без помоев!» [29]. Лишь после этого сотрудник Херсонесского музея попытался сгладить ситуацию: «Я думаю, что в оценке роли античных городов Крыма нужно уточнять формулировку. Местное население действительно многим обязано античной цивилизации, но не потому, что греки приходили с доброй целью в Крым привить цивилизацию более отсталым таврам, которую тавры сразу подхватили. Тавры цивилизовались сами при соприкосновении с более высокой культурой греков, помимо желания или нежелания последних» [30].

Сразу же за С. Ф. Стржелецким со своим докладом выступил П. Н. Надинский. Им была всецело поддержана критика В. Д. Блаватского и ученых, разделяющих его точку зрения. Причем сделано это было в свойственной ему самоуверенной и слегка вызывающей манере. «Как видите – старая песня. Варвары-славяне, а пришедшие римляне выступают благодетелями. <...> Получается, что культура и искусство скифов не что иное, как результат оплодотворения их греко-римскими завоевателями. Блаватский изображает их мирными переселенцами. Тов. Блаватский не одинок. Археолог Белов также изображает римлян поборниками цивилизации, а о скифском населении говорит, как о разбойниках и пиратах. Мне иногда кажется, что некоторые такого рода археологи и историки при изучении истории древнего Крыма скорее чувствуют себя греками, чем советскими, русскими историками (аплодисменты). Пора бы переселить этих людей из Афин в Крым, из дома греков-колонизаторов в избу тавро-скифа!» [31].

Большое влияние на формирование исторических построений оказывала так

называемая теория о «крымских готах», обосновывающая захват Крымского полуострова и включение его в состав Германии. В 1929 году была организована совместная советско-германская Эски-Керменская экспедиция [32]. С началом Второй мировой войны вопрос обострился с новой силой. Согласно планам германского руководства Крым вместе с Херсонской и Запорожской областями должен был войти в генеральный округ «Таврия». Продолжением «готских планов» явилась археологическая экспедиция, организованная Фрауэнфельдом [33] в июле 1942 года. Руководителем этого мероприятия был назначен фюрер СС и полиции «Таврия» Людольф фон Альвенслебен [34]. В ходе экспедиции было обследовано городище Мангуп – бывшая столица княжества Феодоро. Вывод нацистских археологов: крепость Мангуп, а также целый ряд городов на Южном берегу Крыма были построены готами [35].

Естественно, данная теория не могла остаться в стороне. Ее обсуждение было начато научным сотрудником Крымского филиала АН СССР антропологом К. Ф. Соколовой. Ее доклад сводился к анализу антропологического материала из средневекового могильника близ Алушты, исследование которого только закончил В. Ю. Кухаренко, сделавший вывод о принадлежности могильника готскому населению в своем отчете, направленном в Алуштинский музей.

С подобными суждениями Соколова была в корне не согласна: «в могильнике Алушты, судя по количеству в нем погребений и занимаемой им площади, было погребено не меньше, чем количество всех готов, проживавших в Крыму. Вряд ли на долю этого могильника выпала такая случайность» [36]. В завершении своего выступления исследователь посетовала, что эта «теория продолжает иметь место и в настоящее время» [37], а также напомнила участникам сессии, что «укоренившиеся мнения,

унаследованные от буржуазных историков и археологов, мешают углубленному научному исследованию истории Крыма и направляют историков по ложному пути» [38].

Нешадной критике теорию и ее приверженцев подверг и П. Н. Надинский, назвав ее не чем иным, как «вымыслом, орудием вражеской пропаганды» [39]. Далее П. Н. Надинский детально остановился на советских археологах, ранее занимавшихся данной темой. «В связи с этим мне хочется обратить внимание на недопустимое явление, когда в отдельных трудах, публикуемых в наше время, имеет место популяризация, я бы сказал, чуждых нам людей. Вот примеры: в книге В.Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», изданной в 1949 году, делается очень много ссылок на Васильева и Эрнста без всяких оговорок. Кто такие Васильев и Эрнст? Васильев — историк, автор известной работы, лживой, ненаучной работы о готах. Этот Васильев в 30-х годах при поездке за границу остался там и ныне, как враг Советского Союза, выступает с клеветой против Советского Союза... Кто такой Эрнст? Это немец, приехал в Крым в 1912 году и стал работать в Севастополе топографом. Во время Первой мировой войны его попросили оттуда, он окопался в Симферополе, заделался археологом и написал несколько книжек, конечно, лживых. Ничего научного в них нет. <...> Сейчас, после войны, в 1949 году товарищи приводят его как авторитет в своей работе. Зачем это делать?» [40].

Острая дискуссия развернулась вокруг терминологических вопросов, в частности, какому слову отдать предпочтение: «присоединение» Крыма к России или «воссоединение»? Данный вопрос был поднят доктором исторических наук А. Н. Смирновым, выступившим с докладом «Воссоединение Крыма с Россией

и его прогрессивное значение». Но доклад был размыт и неконкретен. Он не только не расставил все по своим местам, а наоборот вызвал у присутствующих множество вопросов. А. И. Неделин справедливо отметил, что «о воссоединении Крыма с Россией было сказано только Яковом Дмитриевичем Козиним – председателем сессии, а в докладе о воссоединении ничего не было сказано. Что же в конце концов: Крым присоединен, захвачен русскими или же произошло воссоединение древних русских земель с Россией?» [41].

Участникам сессии все же удалось найти выход из сложившейся непростой ситуации. Академик Б. Д. Греков после шумных дебатов за закрытыми дверями заявил: «Мы после некоторого обсуждения этого вопроса в своем коллективе пришли к заключению, что наиболее правильным в данном случае будет термин «включение» [42]. Подобное заявление было встречено смехом в аудитории, оно не удовлетворило ни одну из сторон. Тем не менее, термин «включение» был внесен в решения сессии. Через два года, в 1954 году, в связи с юбилеем Переяславской рады и передачей Крымской области в состав УССР, вопрос разгорелся с новой силой.

Вечером 25 мая, после заключительного слова Б. Д. Грекова, подведения итогов и единогласного принятия решений, сессия была официально объявлена закрытой. К сожалению, ряд ключевых вопросов в истории полуострова так и не был решен. Из воспоминаний М. Ю. Брайчевского: «Эта сессия, не смотря на то, что названа научной, к настоящей науке имела очень отдаленной отношение; она бы-

ла спланирована как широкомасштабная идеологическая акция с далекоглядным прицелом» [43]

Одновременно с разоблачением Н. Я. Марра и его школы была признана неверной концепция происхождения славян от скифов. Теории этногенеза Восточных славян Н. С. Державина П. Н. Надинского, А. Д. Удальцова П. Н. Шульца и других исследователей утратили научную основу. С этого момента они стали представлять только лишь библиографический интерес. Автохтонная теория была полностью отвергнута. Вставший на повестку дня поиск доказательств обитания в Таврике древнего славянского населения заставил отказаться от тавроскифского автономизма и предложить иные подходы. В результате археологи попали в довольно сложное положение. Отвергалась версия о скифах-славянах. Но тогда необходимо было обнаружить в Крыму славян, пусть не коренных, пусть пришлых. Это было тогда важнейшим условием. «Доклад тов. Шульца был посвящен поискам родителей славян, но, к сожалению, эти родители в докладе так и не нашлись, они будут найдены дальнейшими усилиями советских историков» [44].

Для обоснования идеи колонизации славянами Крыма стала использоваться миграционная теория. По мере поступления новых археологических материалов и существенного ослабления идеологического давления исторические реалии были коренным образом пересмотрены, в том числе и самими авторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук

СССР, посвященная истории Крыма // Крымская правда.– 25 мая 1952.

2. Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии Крымского филиала Академии

наук СССР по вопросам истории Крыма.– Симферополь, 1952.– л. 4.

3. Югов А. Родина Ахиллеса // Крым.– 1947.– №5.

4. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма: В 2-х ч.– Симферополь, 1951.– Ч. 1.

5. Брайчевський М. Ю. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica.– К, 2002.– Вип. 1.– С. 177.

6. Стенограмма.– л. 18.

7. Рыбаков Б. А. О серьезных недостатках и задачах в изучении истории Крыма // Сборник тезисов и докладов по истории Крыма АН СССР.– Симферополь: Крымиздат, 1952.– С. 3-15; Он же. Славяне в Крыму и на Тамани // Сборник тезисов и докладов по истории Крыма АН СССР.– Симферополь: Крымиздат, 1952.– С. 3-15.

8. Брайчевський М. Ю.– С. 178.

9. Там же.

10. Стенограмма.– л. 86.

11. Там же, л. 88-89.

12. Там же, л. 41-43.

13. Там же, л. 129-133.

14. Там же, л. 148.

15. Там же, л. 72.

16. Там же, л. 204-205.

17. Там же, л. 205.

18. Брайчевський М. Ю.– С. 176.

19. Бугай М. Ф. Депортація кримських татар у 1944 р. // Український історичний журнал.– 1992.– № 1.– С. 35.

20. Кармазіна Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму 1954-1991рр / За ред. А. А. Непомнящого.– Симферополь: Таврія, 2005.– С. 94.

21. Стенограмма.– л. 7.

22. Там же, л. 141.

23. Там же, л. 292.

24. Там же, л. 134.

25. Там же, л. 207.

26. Там же, л. 34.

27. Там же, л. 19.

28. Там же, л. 94.

29. Там же, л. 129.

30. Там же, л. 133.

31. Там же, л. 136.

32. См. подробнее: Непомнящий А. А. «Пока оберегаем и спасаем...»: Неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма.– 2006.– №16.– С. 138-165; Непомнящий А. А. «Поки зберігаємо та рятуємо, де можна, але це дуже важко...»: Невідомі матеріали з історії пам'яткоохоронної роботи в Криму за матеріалами листування А. І. Маркевича та С. Ф. Платова // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України.– Київ, 2007.– Вип. 13.– С. 201-227; Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ.– Симферополь, 1929.– Т3; Филимонов С. Б., Храпунов И. Н. Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ.– Симферополь, 1996.– Вып 5.– С. 242-256.

33. Романько О. В. От «немецкого Гибралтара» до арийского «Готенланда». Крымский полуостров в малоизвестных планах военно-политического руководства Третьего рейха (1941—1944) // Историческое наследие Крыма.– 2006.– № 14.– С. 117.

34. Там же, С. 119.

35. Там же.

36. Стенограмма.– л. 48.

37. Там же, л. 44.

38. Там же, л. 47.

39. Там же, л. 134.

40. Там же, л. 138-139.

41. Там же, л. 313.

42. Там же, л. 320.

43. Брайчевський М. Ю.– С. 175.

44. Стенограмма.– л. 317